

Научная статья

УДК 94(470):323 + 316.3:331.108.2 + 94:159.953 + 316.472.4 + 005.336.2-053.5

doi 10.15826/tetm.2024.1.063

Каналы памяти об СССР для «поколения X»: от постсоветских медиаинтерпретаций до семейного опыта

Андрей Геннадиевич Иванов

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия;*

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (Липецкий филиал), Липецк, Россия
agivanov2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1136-251X>*

Аннотация. Их называют «поколением X», их детство и юность пришлось на 1980-е гг., они имели свой доступ к советской реальности, находясь, как правило, в лоне семьи. Вчитываясь в тексты газет, анализируя содержание телепроектов постсоветского времени, автор пытается ответить на вопрос, соответствуют ли эти интерпретации и трансляции образов Советского Союза собственным впечатлениям представителей «поколения X», для чего привлекаются идеи А. Ассман, М. Хирш, Г. Хармана, А. Юрчака, а также интервью актеров разных поколений. Делается вывод о том, что сегодня под влиянием медиа у в свое время юных свидетелей СССР формируется особое — раздвоенное — восприятие советского прошлого.

Ключевые слова: СССР, «поколение X», историческая память, советское прошлое, метафора, медиа-проекты, семейная память

Для цитирования: Иванов А. Г. Каналы памяти об СССР для «поколения X»: от постсоветских медиаинтерпретаций до семейного опыта // Tempus et Memoria. 2024. Т. 5, № 1. С. 76–87. <https://doi.org/10.15826/tetm.2024.1.063>

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00153 «Образ СССР в исторической памяти: исследование медиастратегий воспроизводства представлений о прошлом в России и зарубежных странах».

Original article

Channels of Memory about the USSR for “Generation X”: from Post-Soviet Media Interpretations to Family Experience

Andrey G. Ivanov

Saratov State University, Saratov, Russia;
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(Lipetsk branch), Lipetsk, Russia
agivanov2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1136-251X>

Abstract. They are called “Generation X”, their childhood and youth fell in the 1980s, they had their own access to the Soviet reality, being, as a rule, in the bosom of the family. Reading the texts of newspapers, analyzing the content of post-Soviet TV projects, the author tries to answer the question, whether these interpretations and broadcasts of images of the Soviet Union correspond to the own impressions of representatives of “Generation X”, for which the ideas of A. Assmann, M. Hirsch, G. Harman, A. Yurchak, as well as interviews of actors of different generations are involved. It is concluded that today, under the influence of the media, at one time, young witnesses of the USSR formed a special — divided — perception of the Soviet past.

Key words: USSR, “Generation X”, historical memory, the Soviet past, metaphor, media projects, family memory

For citation: Ivanov, A. G. (2024). Kanaly pamyati ob SSSR dlya “pokoleniya X”: ot postsovetских mediainterpretatsiy do semeynogo opyta [Channels of Memory about the USSR for “Generation X”: from Post-Soviet Media Interpretations to Family Experience]. *Tempus et Memoria*, 5, 1, 76–87. <https://doi.org/10.15826/tetm.2024.1.063>

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-18-00153, “The image of the USSR in historical memory: a study of media strategies for reproducing ideas about the past in Russia and foreign countries”.

If you can just get your mind together
Then come on across to me...
...But first, are you experienced?
Have you ever been experienced?
Well, I have.

Jimi Hendrix («Are you experienced?», 1967)

В последние два года было несколько юбилеев, связанных с существованием Советского Союза: это прежде всего 100-летие со дня образования СССР 30 декабря 1922 г., но также и 30-летие с момента распада СССР в декабре 1991 г. Все они сопровождались целой чередой документальных передач, тематических сборников статей, выпусков журналов, газетных интервью.

Советский Союз перестал существовать более тридцати лет назад, но до сих пор живет в памяти людей, причем не только старшего поколения — тех, кто родился и вырос в СССР, но и поколения современной молодежи. И эти

воспоминания теплые, позитивные. Об этом свидетельствует ассоциативный ряд, который возникает у россиян, когда они слышат словосочетание «Советский Союз»: стабильность (16 %); молодость, беззаботное детство (15 %); хорошее время (15 %); единство, сплоченность, дружба народов и взаимопомощь (13 %); великая страна (5 %); социальная справедливость (5 %); все дешево, доступно (5 %). У россиян старше 35 лет в числе доминирующих ассоциаций появляется детство/молодость; чем старше опрошенные, тем чаще они говорят о том, что СССР — хорошее время. У молодежи 18–24 лет ассоциативный ряд наполнен историческими маркерами. Топ-3 ассоциаций в разных возрастных группах: 18–24 года — Сталин (13 %), коммунизм (13 %), дружба народов (12 %); 25–34 года — стабильность (13 %), дружба народов (11 %), репрессии (10 %); 35–44 года — стабильность (18 %), детство, молодость (17 %),

дружба народов (13 %); 45–59 лет — стабильность (24 %), детство, молодость (24 %), хорошее время (20 %); старше 60 лет — хорошее время (22 %), детство, молодость (16 %), стабильность (14 %) [100 лет...].

Сегодня уровень интереса к советскому прошлому довольно высок. Частичный ответ на вопрос, почему советское прошлое стало актуальным сегодня, может дать обращение к идеям презентизма. Ф. Артог назвал презентизмом такой темпоральный режим, который заставляет ценить только текущий момент, подчиняет прошлое настоящему и не ждет перемен от будущего [Hartog]. По мнению А. Олейникова, презентизм пользуется историей исключительно инструментально — главным образом для оправдания и поддержания существующего порядка вещей [Олейников 2022, 66]. Кроме того, при взгляде на проблему презентизма он обнаруживает также и сверхдоступность прошлого в современную цифровую эпоху [Олейников 2021, 14]. Еще в 2014 г. Х.-У. Гумбрехт замечал, что сегодня мы живем в условиях так называемого «широкого настоящего» (broad presence), когда прошлое и будущее не противопоставляются настоящему в качестве его «иного», но фактически поглощаются им, становясь его имманентными измерениями [Gumbrecht].

Усиление интереса к советскому прошлому в настоящее время только подтверждает мысль немецкого исследователя. Особый интерес вызывает период позднего СССР: выходит множество тематических монографий [Бойм 2022; Голубев; Каспэ; Юрчак], в которых рассматриваются те или иные аспекты жизни людей в позднесоветский период.

Кроме того, возникают всевозможные «медиаинтерпретации», к которым мы отнесем озвученные публично метафоры, тексты в СМИ, дискуссии в тематических онлайн-сообществах и медиапроекты, прямо или косвенно связанные с советским прошлым. Все они могут считаться инструментами опосредованной памяти.

«Поколение X»

Особая специфика восприятия советского прошлого имеется не только у авторов всевозможных медиаинтерпретаций и медиапроектов, эксплуатирующих интерес к советскому

прошлому, но и у так называемого «поколения X» (родившихся примерно с 1965 по 1980 г.), в частности, у младшей половины этого поколения (у тех, кто родился в период с 1974 по 1980 г.). Младшая часть «поколения X» уже прекрасно понимала, в каком положении оказались их родители (многие были фактически выброшены на обочину жизни); плюсом было то, что, вступая на самостоятельный путь, представители этой генерации исходили из новых реалий и новых «правил игры» без иллюзий. Однако у поздней версии «поколения X» имелся и собственный доступ к советской реальности, свой опыт взаимодействия с советской действительностью, свой опыт в основном детского переживания исчезновения СССР, а современные медиаинтерпретации дополняют их картину советского прошлого. Причем особенно велика роль медиа в отношении тех событий, которые не были восприняты непосредственно (а для «поколения X» это большая часть истории Советского Союза).

Следует отметить, что с опытом исчезновения привычных форм государственности столкнулись в то же время представители рассматриваемого нами поколения и в других странах. В частности, в представленной А. Ассман обзорной таблице семи поколений XX века «поколению X» в точности соответствует «поколение 85-го», которое также охватывает возрастные когорты примерно 1965–1980 гг. рождения. Они считаются «первым поколением, свободным от последствий войны». Обобщая опыт представителей «поколения 85-го», росших в ГДР, А. Ассман приводит фрагмент из романа Яны Симон «Ведь мы — другие»: «“Раньше” — это слово, пожалуй, единственное, что связывает поколение тех, кто родился в семидесятых годах. Они успели пожить в диковинной стране, которая исчезла; их объединяет общая ненависть к ней или общее равнодушие» [Ассман, 410–411]. Однако россияне, принадлежащие к данному поколению, как показали результаты приведенного выше опроса, в отличие от своих восточнонемецких визави, имеют позитивные воспоминания о социалистическом прошлом. Но в любом случае мы имеем дело с определенным травмирующим историческим опытом.

В этой связи важно отметить, что свой взгляд на травмы прошлого имеется и у еще

одной немецкой исследовательницы: М. Хирш предложила целую концепцию постпамяти, в которой отдельная роль отводится «поколению-1,5» (к этому поколению относятся те, кто пережил коммеморируемое событие в детстве; Лео Шпитцер назвал этот опыт (переживания) принадлежностью к «поколению-1,5») [Хирш, 38]. Хотя понятие «поколение-1,5» возникло в контексте осмысления последствий Холокоста, сам термин «поколение-1,5» обладает гораздо большим эвристическим потенциалом и, в частности, применим для исследований периода жизни Советского Союза. Существование и распад СССР, образ этого государства оказали колоссальное влияние на идентичность многих россиян, в том числе и относящихся к «поколению X». Тот факт, что на детство/юность представителей этого поколения («поколения X») пришелся распад Советского Союза, автоматически делает их также и представителями «поколения-1,5».

Сегодня, спустя 30 лет после исчезновения Советского Союза, младшая часть «поколения X» в дополнение к сгенерированным медиаобразам советского прошлого, транслирующимся посредством вышеуказанных инструментов опосредованной памяти, имеет еще и собственные, преимущественно ностальгические впечатления, вобравшие в себя соответствующую информацию также по каналам, связанным уже с непосредственным восприятием осуществлявшейся реальности советского. К таким каналам мы отнесем: а) воспоминания о советской эпохе из повседневного опыта (труд (учеба в школе), быт, досуг), личные идиосинкразии; б) рассказы представителей старшего поколения — тех, к кому имелось доверие (родственники, учителя, друзья родителей и т. п.); в) восприятие через медиа, прежде всего посредством советского телевидения (реже — радио). Особенность непосредственного контакта с советской действительностью состояла в том, что для тех, кто родился в 1974–1980 гг., такое взаимодействие происходило преимущественно в лоне семьи, то есть советское прошлое оказалось сопряженным с семейной памятью.

Рассмотрим далее все выделенные нами каналы памяти об СССР и начнем с опосредованной памяти.

Метафоры

В последнее время в связи с юбилейными датами, связанными с существованием Советского Союза, вышло множество передач, публикаций, где освещались разные аспекты Советского государства. Однако если мы обратим внимание на названия и заголовки этих работ, то обнаружим, что применительно к СССР активно использовались метафоры «проект», «конструкция», «эксперимент»: документальный фильм Д. К. Киселева (р. 1954) «Красный проект»; интервью историка А. В. Шубина (р. 1965) «СССР — конструкция, эффективная для своего времени» [«СССР — конструкция...»]; интервью журналиста В. Т. Третьякова (р. 1953), в котором он называет СССР «грандиозным политическим экспериментом» (Виталий Третьяков: «Есть вещи, о которых я жалею» // Лит. газ. 2023.18–24 янв. № 1–2). Объединяет эти мнения представителей поколения, успевшего в зрелом возрасте застать Советское государство, приписывание Советскому Союзу некой искусственности, созданности, даже механистичности.

Но прежде чем применяемые к образу СССР метафоры искусственности будут рассмотрены, следует сделать замечание о том, что транслируемые медиа картины и сюжеты советского прошлого мы будем считать также и эстетическими феноменами (отличающимися от практик непосредственного взаимодействия с советской действительностью и тем более от жизни в той реальности). И здесь нам представляется уместным обращение к интуициям объектно-ориентированного подхода, в частности, к пониманию метафоры. Дело в том, что когда речь идет о таких сложных феноменах, как память, образ прошлого, ностальгия, на помощь может прийти казалось бы неоднозначный, но в последнее время ставший многообещающим в гуманитарных науках инструмент — метафора. Так, автор объектно-ориентированного подхода, создатель объектно-ориентированной онтологии (далее — ОО) Г. Харман подчеркивал значимость метафоры в процессе познания, отмечая, что она, конечно, хуже логического мышления, но метафорический доступ к реальности — это лучшее, что мы имеем.

Важно пояснить, какой смысл в ОО придается самому понятию «объект». Если

в повседневной речи слово «объект» часто имеет оттенок чего-то физического, твердого, прочного, нечеловеческого или совершенно неодушевленного, то, применяя объектно-ориентированный подход, мы должны исходить из того, что «объект» означает «...все, что не может быть сведено либо возведено к чему-либо, то есть все, что превышает сумму своих составных частей, но не превышает суммы своих последствий для окружающего мира» [Харман 2021, 52]. Объекту нужно лишь не сводиться к своим составным частям либо не возводиться к своим следствиям. Кроме того, мы имеем дело с двумя видами объектов — реальными и чувственными, каждый из которых может обладать также реальными и чувственными качествами. При этом реальные объекты и качества существуют сами по себе, тогда как чувственные объекты и качества — лишь как корреляты какого-либо реального объекта.

Между объектами и качествами возникают четыре напряжения, одно из которых (наиболее важное для нашего случая), по линии «реальный объект — чувственное качество», делает возможным существование метафоры. В метафоре объект и его свойства распадаются, и раскол между объектами и их качествами является основанием объектно-ориентированной философии. Нельзя свести объект к его свойствам или свести объект к его видимости. Весь объект всегда несколько погружен в фон. Метафора берет качества одного объекта и переносит их на другой, и никто не может высказать это обычным языком. То есть Г. Харман считает, что «...метафору можно понять как пару РО-ЧК» [Харман 2020, 211]. При этом связь здесь следующая: «Реальный объект оказывается прикрепленным к своим чувственным качествам только через аллюр» [Харман 2015, 106].

«Поколению X», безусловно, есть что вспомнить, и его метафоры основаны не только на «аллюрном» восприятии медийных сюжетов, но и на непосредственном взаимодействии с советской действительностью.

Поясняя далее объектно-ориентированный подход, отметим, что реальным объектом в процессе взаимодействия с советским прошлым оказывается сам эстетический зритель (то есть в нашем случае им, в отношении периода существования СССР, оказывается

представитель «поколения X»), а «...эстетика в смысле ООО включает также опыт уходящего времени...» [Харман 2023, 325]. В свою очередь, тот или иной представленный в медиа эпизод из советской жизни может являться источником метафор и образов, может быть «...избытком, способным на многие другие возможные эффекты...» [Там же, 84]. Кроме того, сами названия, например «Красный проект», работают в качестве метафор, наделяющих советское прошлое, как уже отмечалось, характеристиками искусственности.

На наш взгляд, описанные Г. Харманом механизмы по линии «реальный объект — чувственное качество» работают не только в сфере эстетического, но и в общественных отношениях. Однако особенно важным для таких отношений является период существования объекта и симбиотическая связь, в которую вступает объект в течение своей жизни. Дело в том, что из бесконечного числа отношений, в которые в течение всего периода своей жизни вступает объект, решающее значение имеет лишь их небольшое число, и именно их Г. Харман называет симбиотическими. Симбиозы зачастую бывают невзаимными (non-reciprocal), что означает, что вещь А может быть связана с вещью Б, но не наоборот. И все симбиозы асимметричны в том же самом смысле, что и метафоры. Кроме того, «симбиоз знаменует собой необратимое изменение в жизни объекта...» [Харман 2021, 130–131]; но главное замечание состоит в том, что «объект становится зрелым, как только у него не остается пространства для продолжения симбиоза» [Там же, 118].

Итак, вспоминая приведенные высказывания экспертов о Советском Союзе, мы имеем дело с метафорой «СССР как конструкция-проект-эксперимент», которая также содержит в себе опыт прошлого и может приводить к возникновению новых объектов в результате разных симбиозов. Для дальнейшего политического использования данной метафоры, соединяющей вместе СССР и «проект-эксперимент-конструкцию», важно то, что речь идет не только о знании о предшествующих объектах, но и о производстве нового объекта, характеризующегося соединением, скажем так, советского и искусственного (механистического).

Наконец, важно отметить, что определения СССР от известных специалистов являются не только их личными представлениями, личными метафорами, но и в определенной мере вносят известный вклад в формирование общественного представления о Советском Союзе. Причем такие образы транслируются для представителей всех поколений — как для «поколения X», так и для тех, кто не имел непосредственного опыта приобщения к советскому. Причем, учитывая, что метафоры представителей данного поколения (старшего по отношению к «поколению X») стремятся к однородности, можно предположить, что и образ СССР стал для них «зрелым объектом» и дальнейшие его симбиозы для этого поколения маловероятны, чего не скажешь про младшие возрастные когорты.

Тексты СМИ (на примере газеты «Аргументы и факты»)

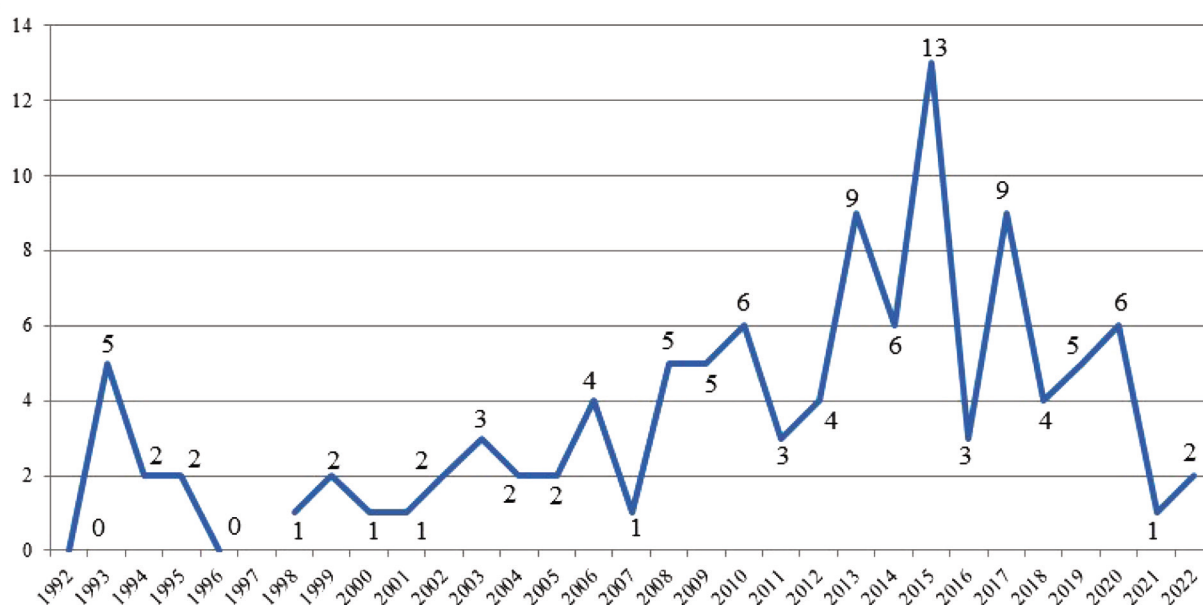
О популярности советского периода отечественной истории свидетельствует увеличение числа публикаций в российских СМИ, в которых в той или иной мере наличествуют отсылки и упоминания событий периода существования СССР. Такой рост заметен с 2007 г., но особенно — с 2014-го, что можно объяснить геополитическими обстоятельствами.

Математическая обработка слов в привязке к терминам «советский», «СССР», присутствовавших в публикациях газеты «Аргументы и факты» в 1992–2022 гг., позволила сгенерировать ряд кластеров — от самых крупных (спорт, кино, экономика, память) до относительно небольших (разведка, поколение, атомный проект и т. п.). Нас в контексте поколенческой тематики будет интересовать соответственно кластер «поколение» (по степени распространенности упоминаний ключевых для него лексем («человек», «поколение», «наш», «культура», «ностальгия», «время», «жизнь», «период») в связке с лексемами «СССР» и «советский» занял 12-е место).

Обращение к динамике количества статей по годам в кластере «поколение» (см. рисунок) дает возможность для следующей периодизации (данных за 1997 год нет): 1) 1992–2007 гг.; 2) 2008–2020 гг.; 3) 2021–2022 гг.

Первый период характеризуется довольно небольшим количеством публикаций, в которых в той или иной мере затрагивалась бы тематика советского поколения (в среднем — менее двух в год), а авторов публикаций объединяют шок и спонтанные попытки рефлексии о распаде СССР.

Начало второго периода (2008) характеризуется тем, что в текстах начинает возникать слово «ностальгия», причем скорее

Количество статей в газете «Аргументы и факты» в 1992–2022 гг., содержащих слова «советский», «СССР» и отнесенных к кластеру «поколение».

рефлексирующего типа [Бойм 2021]. В течение этого периода в среднем ежегодно выходят шесть статей, в которых наряду с более осмысленным журналистским анализом советского прошлого (в частности, заголовки статей свидетельствуют о «важности момента»: «Суррогатная элита порождает фальшивые ценности», «Какой патриотизм нужен россиянам?», «Песня о пионерском галстуке. Почему россияне с трудом прощаются с СССР» и т. п.) все чаще слышен голос представителей «поколения X» в лице таких известных деятелей культуры, как Дмитрий Дюжев (р. 1978), Денис Мацуев (р. 1975), Захар Прилепин (р. 1975), которые дают откровенные интервью, вспоминая свое советское детство. Показателен здесь разговор с З. Прилепиным в 2019 г., приуроченный к выходу книги писателя «Истории из легкой и мгновенной жизни».

Фрагмент интервью:

Вопрос корреспондента: «Сегодня те времена — 1970–1980-е — оказались на пике интереса. Даже у тех, кто в ту эпоху и родиться не успел. Почему вдруг советское прошлое, от которого мы так старательно пытались избавиться в 1990-е, сегодня интересует нас много больше, чем наше капиталистическое настоящее (а ведь реалии капиталистического сытого общества в те советские времена были предметом тихой зависти) и уж тем более чем будущее?»

Ответ З. Прилепина: «Человеку свойственно сравнивать и взрослеть. Иногда — идеализировать. Иногда — умнеть. Надеюсь, что мы поумнели. Несмотря на то что СССР был страной в чем-то скучной, в чем-то ханжеской, в чем-то жестокой, суть не в этом. Суть в том, что человек хочет оставаться человеком. Советский человек стремился стать лучше, умнее, чище. Советский человек хотел быть лучшим товарищем своим друзьям, лучшим сыном своим родителям, он хотел уважать себя за труд и за подвиг...» (Захар Прилепин: «Я был чересчур откровенен в своих книгах» // Аргументы и факты. 2019. 18 дек. № 51).

Обратим внимание на выражение «советский человек», которое красной нитью проходит по всем периодам в кластере «поколение». Кто-то, как, например, музыкант Гарик Сукачев в 2003 г., признается в том, что он «наполовину советский человек»: «Совершенно очевидно, что молодежь стала значительно свободнее и раскомплексованнее, нежели мое поколение. Так или иначе, но я наполовину советский человек со множеством комплексов и предрассудков,

которых уже нет у представителей нынешнего молодого поколения» (Гарик Сукачев: «Скорее бы надоела музыка» // Аргументы и факты. 2003. 2 апр. № 14). Другие, например известный писатель и общественный деятель Даниил Гранин, сетуют, что «раньше было общее понятие — “советский человек”» (Даниил Гранин: «Мы живем с фальшивыми лозунгами» // Аргументы и факты. 2012. 26 дек. № 52).

Кульминацией же рассуждений на страницах газеты «Аргументы и факты» о советских поколениях (в том числе и о «поколении X»), на наш взгляд, являются следующие слова режиссера Александра Прошкина, произнесенные в 2012 г. и апеллирующие к генетике: «И пусть мы сейчас живем в другой стране, но наша сущность не изменилась, другими людьми мы не стали. Даже в поколении 30-летних, которое толком не застало тот период, советская ментальность присутствует на генетическом уровне. Поэтому мы все время делим людей на “наших” и “не наших”, постоянно выискиваем внешнего врага, ищем пятую колонну» (Режиссер Александр Прошкин: «Мы принципиально игнорируем уроки истории» // Аргументы и факты. 2012. 27 июня. № 26).

Кроме того, присутствуют статьи, комментирующие результаты социологических опросов об отношении к Советскому Союзу представителей разных поколений.

Для третьего периода (2021–2022) характерно снижение количества соответствующих публикаций. Но для того чтобы можно было говорить о сформировавшейся тенденции смещения журналистского интереса с поколенческой проблематики на другие тематические блоки, необходим более продолжительный отрезок времени.

Дискуссии в тематических онлайн-сообществах и медиапроекты

Наконец, наряду с запущенными в общественное пространство метафорами и текстами в СМИ к каналам опосредованной памяти о советском прошлом мы относим разворачивающиеся в последнее время дискуссии в тематических онлайн-сообществах и инспирированные «журналистами-историками» медиапроекты. Так, А. Ю. Долгов, проанализировав посты онлайн-сообщества «Мы из СССР»,

пришел к выводам, что «...специфика работы с коллективной памятью об СССР в социальных сетях связана с тягой к ностальгическим переживаниям и отсутствием преобладающего нарратива, объясняющего все события советской и новейшей российской истории в едином ключе. Работу по созданию нарративов начинают выполнять многочисленные акторы онлайн-пространства. В ходе этого процесса конструирования новых смыслов и создания интерпретаций они опираются как на официальный дискурс политической элиты о советском прошлом и российском настоящем, так и на свои субъективные биографии и личный опыт» [Долгов, 73]. Кроме того, дискуссии зачастую сопровождаются взаимными оскорблениями и угрозами, что свидетельствует о конфронтационном потенциале такого рода площадок.

Также следует упомянуть работу, посвященную сравнительному анализу представлений о распаде СССР в тележурналистике и комментариях интернет-пользователей к видеороликам на YouTube, в которой авторы выявили «...преобладание оценок распада СССР как трагедии, в то время как большинство положительных комментариев оказались связаны с ностальгией по советской повседневности» [Линченко, Головашина, 74].

Кроме того, в начале XXI в. у ровесников авторов метафор об СССР возникает ряд медиа-проектов, посвященных советскому времени: «Намедни. Наша эра» Л. Парфенова, «Исторические хроники с Николаем Сванидзе» и т. п.

Своеобразным медианавигатором по советскому прошлому для «поколения X» выступает проект Л. Парфенова «Намедни», прежде всего часть «Намедни. 1981–1990» [Парфенов], охватывающая период непосредственного контакта этого поколения с советской реальностью. Данная часть проекта находится как бы на стыке, так как в ней накладываются друг на друга как возможные собственные впечатления и воспоминания (которые можно расклассифицировать по соответствующим каналам), так и медиатрансляции событий конкретного исторического этапа, предполагающие в том числе и их восприятие постфактум. Такие сохранившиеся воспоминания, пропущенные через призму современной медиаповестки, идеологического багажа, представляются

довольно любопытными. Интересно и то, что, по мнению С. Ушакина, в проекте «Намедни» советский период представлен как «предметное время», когда история позднего социализма расщепляется на материальные элементы осмысленного аналитического и повседневного опыта, в результате чего создается эффект временной и пространственной грануляции недавнего советского прошлого. Он называет это объектализмом: «Объекты в данном случае призваны дифференцировать — при помощи связей и пробелов — периоды, процессы или события прошлого» [Ушакин, 226].

Итак, советская действительность в проекте Парфенова представляет собой смешение десятков событий, людей, явлений, калейдоскопичным образом представляя зрителю в конкретных объектах то или иное десятилетие.

Каналы непосредственной памяти: от старшего поколения

Как уже было отмечено, осуществлявшуюся реальность советского представителя младшей части «поколения X» могли воспринимать, на наш взгляд как минимум по трем каналам: а) по воспоминаниям о советской эпохе из повседневного опыта; б) по рассказам представителей старшего поколения; в) через медиа.

Воспользовавшись проектом Л. Парфенова, отметим, в частности, что автор (р. 1978) лично помнит 33 из 304 феноменов тома «Намедни. 1981–1990» [Парфенов]. В таблице представлена структура его личных воспоминаний в разбивке по трем вышеуказанным каналам восприятия. Примерно о половине феноменов он узнал через советское телевидение, о трети — из повседневного опыта, о 15 % — из взаимодействия с представителями старшего поколения.

Конечно, обращение к проекту Л. Парфенова является лишь иллюстрацией, но она достаточно убедительно показывает, например, что влияние медиа в виде телевидения было довольно заметным уже в советское время.

Так, обращаясь к каналу «От старшего поколения», в наибольшей степени связанному с семейным опытом и семейной памятью, следует отметить, что если информация о группе «Модерн Токинг» стала известна

Классификация личных воспоминаний автора по каналам непосредственной памяти на примере феноменов проекта Л. Парфенова «Намедни» (том «Намедни. 1981–1990»)

Канал восприятия		
Медиа (телевидение)	Собственные воспоминания (повседневный опыт)	От старшего поколения
Умер Брежнев (1982)	Пугачева и Паулс (1981)	Шаварш Карапетян (1982)
Саманта Смит (1983)	Монетницы (1982)	Юрий Антонов (1983)
Асияй «Лицедеи» (1984)	Видеомагнитофон «Электроника ВМ-12» (1984)	«Модерн Токинг» (1986)
Аэробика (1985)	Фестиваль молодежи и студентов (1985)	Умерли Папанов и Миронов (1987)
«Гостья из будущего» (1985)	Русская «Бурда моден» (1987)	Розенбаум (1987)
Карпов — Каспаров (1985)	«Ласковый май» (1988)	
Взрыв «Челленджера» (1986)	Олимпиада в Сеуле. Баскетбол — волейбол — футбол (1988)	
«Спрут». Комиссар Каттани (1986)	Первый конкурс красоты (1988)	
Телемосты СССР — США. До-нахью — Познер (1987)	Из ЦСКА в НХЛ (1989)	
«Прожектор перестройки» (1987)	Цой жив! (1990)	
«Взгляд» (1987)	Ламбада (1990)	
Землетрясение в Армении (1988)		
«Рабыня Изаура». Рейтинговое ТВ (1988)		
Чумак и Кашпировский (1989)		
I съезд народных депутатов СССР (1989)		
Гардемарины (1989)		
ТСН. «Поле чудес» (1990)		

автору от друзей его родителей, то об Антонове, Розенбауме, о смерти Миронова, Папанова — от отца. А о подвиге Карапетяна он узнал от школьной учительницы начальных классов, которая часто начинала уроки с новостей.

Говоря о доверии к рассказам очевидцев старшего поколения со стороны младшей части «поколения X», важно подчеркнуть, что сами рассказчики могли находиться в ситуации, которую антрополог А. Юрчак определял как «множественность» (в отношении к советскому строю в период позднего СССР): «Отношение этих людей к системе невозможно

свести ни к ее поддержке, ни к сопротивлению ей. Его нельзя описать как бинарное противостояние между нами (обычными людьми) и ими (партией, властью). Это взаимоотношение людей и системы включало в себя парадоксальное сосуществование противоречивых идей и чувств — от приверженности определенным моральным ценностям социализма до отвержения конкретной коммунистической риторики, от веры в важность личного участия в «работе со смыслом» до ощущения безысходности от постоянной рутины и формализма» [Юрчак, 253–254].

Однако, какую бы позицию в отношении советского режима ни занимали бы представители старшего поколения, их мнение имело большое значение для «поколения X». Они обладали примерно таким же знанием, что и описанные В. Михайлиным случаи доступа к информационным ресурсам: «Позднесоветский человек с молодых ногтей приучался к принципиальной многослойности и “недопроговоренности” любого текста, имеющего отношение к актуальной действительности» [Михайлин, 184].

Так, после рассказов автора об интересе к экономической географии (происходило это конце 1980-х гг.) друг отца автора спросил, есть ли в имевшихся у него атласах мира такие города, как Монте-Карло, Лас-Вегас. Таких городов в атласах не было. Этот случай из детства автора показателен, так как демонстрирует опыт знакомства с первым диссонансом: формула «нам не всё говорят» начала приобретать видимые очертания и в сознании подростка. Параллельно запустился процесс формирования внешних авторитетов. Человеком, знавшим так много о развлекательной индустрии Запада, был дядя Саша, также он слушал «Модерн Токинг», «Дип Пёпл» (вместо опустылевших уже тогда Юрия Антонова или Александра Розенбаума) и немного владел английским языком. Этих характеристик было более чем достаточно, чтобы его статус в глазах автора стал особенно высоким. Заметим, что данная иллюстрация хорошо бы дополнила книгу антрополога А. Юрчака о последнем советском поколении, в частности, главу, посвященную «воображаемому Западу» как пространству внеаходимости позднего социализма [Юрчак, 311–403].

И здесь у представителей рассматриваемого нами поколения образуется разрыв между реальной практикой взаимодействия с советскими и современными медиапродуктами, обыгрывающими это самое советское.

Выводы

Сегодня нет недостатка в форматах передачи памяти об СССР — от метафорических высказываний свидетелей Советского Союза до возможностей цифровой обработки текстов газет и журналов, а также постов и комментариев к ним в тематических онлайн-сообществах.

Однако «поколению X», благодаря имеющемуся багажу впечатлений о советской реальности, полученному по разным каналам (воспоминания из повседневного опыта, рассказы старших, медиа), есть что сказать по каждому пункту. И пусть соприкосновение с советской действительностью для представителей этого поколения произошло «по касательной», оно успело сформировать в их сознании особую реальность. И эту реальность невозможно заменить или отменить, как бы ни старались современные институты и медиа создавать какие-то суррогатные и искаженные образы советского периода истории, включая такие эксцессы, как, например, набравшая популярность игра Atomic Heart.

Конечно, специфика восприятия советского прошлого «поколением X» требует отдельного изучения, но, определив имеющиеся каналы памяти, безусловно можно говорить о сохраняющемся контрасте и о множественности реальностей, существующих в сознании данного поколения.

Список источников

- 100 лет СССР: забыть нельзя вернуться? URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/100-let-sssr-zabyt-nelzja-vernutsja> (дата обращения: 19.04.2023).
- Ассман А. Забвение истории — одержимость историей : пер. с нем. М. : Новое лит. обозрение, 2019.
- Бойм С. Будущее ностальгии : пер. с англ. М. : Новое лит. обозрение, 2021.
- Бойм С. Общие места: мифология повседневной жизни. М. : Новое лит. обозрение, 2022.
- Голубев А. Вещная жизнь: материальность позднего социализма : пер. с англ. М. : Новое лит. обозрение, 2022.
- Долгов А. Ю. Травма и ностальгия в социальных сетях: осмысление советского прошлого в онлайн-сообществе «Мы из СССР» // Память в Сети: цифровой поворот в memory studies : сб. ст. / под ред. А. Ф. Павловского и А. И. Миллера. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2023. С. 50–75.
- Каспэ И. В союзе с утопией. Смысловые рубежи позднесоветской культуры. М. : Новое лит. обозрение, 2018.
- Линченко А. А., Головашина О. В. Тридцать лет спустя: распад СССР в телевизионной журналистике и интернет-пространстве современной России // Вестн. Моск. ун-та. Серия 12 : Политические науки. 2022. № 6. С. 56–78.

- Михайлин В. Лакунилингус, или О прагматических аспектах советских языков умолчания // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2022. № 6 (146). С. 164–188.
- Олейников А. Будущее в настоящем // Там же. № 2 (142). С. 57–68.
- Олейников А. Время истории // Логос. 2021. Т. 31, № 4. С. 5–30.
- Парфенов Л. Намедни. Наша эра. 1981–1990. М. : КоЛибри, 2010.
- «СССР — конструкция, эффективная для своего времени»: Беседа с А. В. Шубиным // Историческая экспертиза. 2022. № 4. С. 125–129.
- Ушакин С. Разложение тотальности: объектализация позднего социализма в постсоветских биохрониках // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2013. № 3 (89). С. 221–258.
- Харман Г. Искусство и объекты : пер. с англ. М. : Изд-во Института Гайдара, 2023.
- Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего» : пер. с англ. М. : Ад Маргинем Пресс, 2021.
- Харман Г. Спекулятивный реализм: введение : пер. с англ. М. : РИПОЛ классик, 2020.
- Харман Г. Четверойкий объект. Метафизика вещей после Хайдеггера : пер. с англ. Пермь : Гиле Пресс, 2015.
- Хириш М. Поколение постпамяти: Письмо и визуальная культура после Холокоста : пер. с англ. М. : Новое издательство, 2021.
- Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение : пер. с англ. М. : Новое лит. обозрение, 2020.
- Gumbrecht H. U. Our Broad Present: Time and Contemporary Culture. N. Y. : Columbia University Press, 2014.
- Hartog F. Regimes of Historicity. Presentism and the Experiences of Time. N. Y. : Columbia University Press, 2015.

References

- 100 let SSSR: zabyt' nel'zja vernut'sya? [USSR Centenary]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/100-let-sssr-zabyt-nelzja-vernutsja> (accessed: 19.04.2023).
- Assmann, A. (2019). *Zabvenie istorii — oderzhimost' istoriey* [Forgetting History — Obsession over History]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Boym, S. (2021). *Budushchee nostalg'gii* [The Future of Nostalgia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Boym, S. (2022). *Obshchie mesta: mifologiya povsednevnoy zhizni* [Common Places. Mythologies of Everyday Life in Russia]. Moscow : Novoe literaturnoe obozrenie.
- Dolgov, A. Yu. (2023). *Travma i nostalg'giya v sotsial'nykh setyakh: osmyslenie sovetskogo proshlogo v onlayn-soobshchestve "My iz SSSR"* [Trauma and Nostalgia in Social Networks: Understanding the Soviet Past in the Online Community “We Are from the USSR”]. In A. F. Pavlovskiy & A. I. Miller (eds.). *Pamyat' v seti: tsifrovoy povorot v memory studies* [Memory in the Net: a Digital Turn in Memory Studies], 50–75. Saint-Petersburg : Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Golubev, A. (2022). *Veshchnaya zhizn': material'nost' pozdnego sotsializma* [The Things of Life. Materiality in Late Soviet Russia]. Moscow : Novoe literaturnoe obozrenie.
- Gumbrecht, H. U. (2014). *Our Broad Present: Time and Contemporary Culture*. N. Y.: Columbia University Press.
- Harman, G. (2015). *Chetveroyakiy ob'ekt: Metafizika veshchey posle Khaideggera* [The Quadruple Object]. Perm: Gile Press.
- Harman, G. (2020). *Spekulyativnyy realizm: vvedenie* [Speculative Realism: an Introduction]. Moscow: RIPOL klassik.
- Harman, G. (2021). *Ob'ektno-orientirovannaya ontologiya: novaya "teoriya vsego"* [Object Oriented Ontology: New “Theory of Everything”]. Moscow : Ad Marginem Press.
- Harman, G. (2023). *Iskusstvo i ob'ekty* [Art and Objects]. Moscow : Izdatel'stvo Instituta Gaydara.
- Hartog, F. (2015). *Regimes of Historicity. Presentism and the Experiences of Time*. N. Y.: Columbia University Press.
- Hirsch, M. (2021). *Pokolenie postpamyati: Pis'mo i vizual'naya kul'tura posle Kholokosta* [The Generation of Postmemory. Writing and Visual Culture after the Holocaust]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Kaspe, I. (2018). *V soyuze s utopiey. Smyslovye rubezhi pozdnesovetskoy kul'tury* [In Alliance with Utopia. The Semantic Frontiers of Late Soviet Culture]. Moscow : Novoe literaturnoe obozrenie.
- Linchenko, A. A., Golovashina, O. V. (2022). *Tridtsat' let spustya: raspad SSSR v televizionnoy zhurnalistike i internet-prostranstve sovremennoy Rossii* [Thirty Years Later: Visions of the Collapse of the Soviet Union in the Television Journalism and the Internet Space of Contemporary Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki* [The Journal Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science], 6, 56–78.
- Mikhailin, V. (2022). *Lakunilingus, ili O pragmaticheskikh aspektakh sovetskikh yazykov umolchaniya* [Lacunilingus, or On Pragmatic Aspects of Soviet Languages of Reticence]. *Neprikosnovennyy zapas. Debaty o politike i kul'ture* [NZ], 6 (146), 164–188.
- Oleynikov, A. (2021). *Vremya istorii* [History's Time]. *Logos* [Logos], 4, 31, 5–30.
- Oleynikov, A. (2022). *Budushchee v nastoyashchem* [The Future in the Present]. *Neprikosnovennyy zapas. Debaty o politike i kul'ture* [NZ], 2 (142), 57–68.
- Oushakine, S. (2013). *Razlozhenie total'nosti: ob'ektalizatsiya pozdnego sotsializma v postsovetskikh biokhronikakh* [Decomposing Totality: The Objectalization of Late Socialism in Post-Soviet Biochronologies]. *Neprikosnovennyy zapas. Debaty o politike i kul'ture* [NZ], 3 (89), 221–258.
- Parfyonov, L. (2010). *Namedni. Nashs era. 1981–1990* [Recently. Our Era. 1981–1990]. Moscow : KoLibri.
- Stykalin, A. S. (2022). “СССР — конструктсия, эффективная для своего времени”. Беседа с А. В. Шубиным [“USSR — a Design Effective for its Time”. Conversation with A. V. Shubin]. *Istoricheskaya ekspertiza* [The Historical Expertise], 4, 125–129.

Vitalii Tret'yakov: "Est' veshchi, o kotorykh ya zhaleyu" (2023). [Vitaly Tret'yakov: "There are Things I Regret"]. *Literaturnaya gazeta*. 18–24 yanv. № 1–2.

Yurchak, A. (2020). *Eto bylo vsegda, пока не konchilos'*. *Poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything Was Forever, Until It Was No More: the Last Soviet Generation]. Moscow : Novoe literaturnoe obozrenie.

Сведения об авторе

Иванов Андрей Геннадиевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник философского факультета Саратовского национального исследовательского университета им. Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия; профессор кафедры государственной, муниципальной службы и менеджмента Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Липецкий филиал), г. Липецк, Россия

*Статья поступила в редакцию 06.12.2023;
одобрена после рецензирования 30.12.2023;
принята к публикации 01.04.2024*

Information about the author

Andrey G. Ivanov, Doct. Sci. (Philos.), Leading Research Fellow, Saratov State University, Saratov, Russian Federation; Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Lipetsk Branch), Lipetsk, Russian Federation

*The article was submitted 06.12.2023;
approved after reviewing 30.12.2023;
accepted for publication 01.04.2024*